

стичную – 10,5%. Важно отметить, что 12,3% выпускников (примерно каждый восьмой) занимают руководящие должности в государственных и частных структурах сразу после получения диплома, что также может рассматриваться как свидетельство уровня подготовки будущего специалиста в вузе.

Понятно, что любая система аккредитации во многом условна и может быть подвергнута критике. Возможно, в последующие годы будет пересмотрен и дополнен перечень показателей аккредитации, уточнены нормативные (пороговые) показатели. Должен стать более понятен для вузов и интегральный индекс соответствия критериям аккредитации. Но в целом, как представляется, складывающаяся система успешно входит в мировой опыт контроля качества образования, органично сочетая государственную и общественную оценку ра-

боты вузов (за счет включения в состав аккредитационной комиссии представителей других вузов) с самооценкой. В этом плане можно уверенно говорить о том, что в России создана стабильная и полезная система правил, по которым государство не только регулярно оценивает деятельность вузов, но и задает четкие ориентиры их развития и соответственного повышения качества образования.

Литература

1. Benchmarking in higher education. European Network for Quality Assurance. – <http://www.enqa.net/texts/benchmarking.pdf>
2. Boud D. The move to self-assessment: liberation or a new mechanism for oppression? Assessment in Higher Education. Central Queensland University, Australia. – <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/00002954.htm>

**Ю. РУБИН, профессор, ректор
Московская финансово-промыш-
ленная академия**

Тема e-learning (электронного обучения) становится все более и более актуальной для российского читателя и постепенно занимает подобающее место на страницах не только специализированных изданий в сфере высоких технологий, но и журналов, традиционно ориентированных на образовательную проблематику. Данная статья посвящена процессу становления e-learning в России и формированию специфического рынка e-learning, у которого имеется большой потенциал¹.

Феномен под названием e-learning имеет в настоящее время различные толкова-

¹ Статья основана на материалах доклада «eLearning in CIS Space: From Chaos to Embeddedness», сделанного автором на форуме СНГ XI Всемирной конференции ONLINE EDUCA BERLIN в декабре 2005 г. (см.: Высшее образование в России. – 2006. – № 1).

Е-learning в России: от хаоса к глубокому укоренению

Возникновение самого термина прочно связано с распространением Интернета, точно так же, как и появление иных «электронных версий» в различных областях социальной жизни, прежде всего в экономике, например e-commerce (электронная коммерция) или e-banking (электронное банковское обслуживание). Наподобие упомянутых «версий», e-learning часто воспринимается как чисто технологическое явление – набор информационных и телекоммуникационных технологий в обучении либо пакеты прикладных программ, системы «оболочек», с помощью которых можно проводить обучение через Интернет.

Более сложным является понимание e-learning как совокупности образовательных технологий, базирующихся на достижениях hi-tech, и технологических инстру-

ментов, в которые «упакованы» обучающие методики.

Нам представляется, что наиболее обоснованы интерпретации e-learning, вытекающие из понимания данного феномена как педагогического процесса, а не только «сумы технологий». Соответственно инструменты e-learning суть специфические организационные и методические элементы педагогического процесса, осуществляемые благодаря hi-tech, а не новая технологическая оболочка традиционного учебного процесса.

Такowymi являются методики мультимедийного интегрированного on-line и off-line-обучения, учебно-методическое обеспечение учебного процесса на электронных носителях информации, делающее возможным аудио- и видеосопровождение распределенного педагогического процесса, методики обучения в виртуальном кампусе, методики on-line-обучения и тренинга на рабочем месте по производственным кейсам, методики распределенных семинаров и группового распределенного проектирования, организация обучения с помощью электронных репозитариев и электронного формирования индивидуальных траекторий обучения, поддержание линии жизни учащихся с помощью *ePortfolio*² и лишь в последнюю очередь – индивидуальное ознакомление с текстами с помощью электронной почты или электронной библиотеки на веб-сайте [1].

Широкое распространение терминологических дискуссий на темы e-learning не отменяет, между тем, того очевидного обстоятельства, что рассматриваемый феномен не стал пока явлением, укорененным в российском профессиональном образовании. Движение от хаоса к глубокому укоренению как содержание процесса становления e-learning характерно не только для России или стран СНГ, но и для национальных систем образования государств – инициаторов Болон-

ского процесса. Явление хаоса наблюдается при несистемном применении инновационного ресурса e-learning, когда энтузиазм отдельных увлеченных разработчиков on-line-курсов или технологически продвинутых ректоров не находит адекватного резонанса ни в сообществе коллег, ни в среде заинтересованных участников рынка образовательных услуг.

Такой энтузиазм часто опирается одновременно на креативный потенциал разработчиков и проводников e-learning, а также на сопутствующие предпринимательские интересы и на стремление защитить свое дело от непонимания и нападков, иногда – любой ценой. Первые упоминания о e-learning появились в мире и в России в середине 90-х гг. XX в., однако можно констатировать, что пионерам e-learning пока все-таки не удалось в полной мере преодолеть скептическое, а порой и презрительное отношение со стороны консервативно настроенного окружения.

Потребителей образовательных услуг часто пугают радикальные новации в образовании, такие как, скажем, «виртуальная образовательная среда», распределенные семинары и тренинги, мультимедийные презентации как альтернатива живой лекции. В таких инструментах обучения видится нечто легковесное, несерьезное, а главное – некачественное. Это, разумеется, не оставляют без внимания конкуренты – представители университетов с «традиционной» ориентацией. Не находя достойной поддержки, энтузиасты e-learning нередко вынуждены тратить время на поиски и демонстрацию доказательств очевидной неизбежности проникновения высоких технологий в образовательную среду, а также на PR-активность, которая, в свою очередь, часто оказывается на деле гораздо эффективнее самого обучения с помощью e-learning.

Следствием ситуации противостояния стало во всем мире и в России развитие специализированных учебных заведений, реализующих образовательные программы в полном объеме исключительно посредством e-learning, как правило через Интер-

² Автором термина «ePortfolio» (личное электронное образовательное досье каждого учащегося) является Серж Равэ – исполнительный директор Европейского института e-learning в Париже.

нет. Таковыми являются, например, Открытый университет Каталонии (Барселона, Испания), Национальный университет дистанционного образования (Мадрид, Испания), Открытый университет Нидерландов. В 90-е гг. ряд университетов стран, входящих в Евросоюз, создали Европейскую ассоциацию университетов, обучающихся дистанционно (European Association of Distance Teaching Universities), для отстаивания своих интересов. В России наиболее известным из вузов такого рода является Современная гуманитарная академия, в инструментальной базе которой доминируют, однако, не on-line-обучение и Интернет, а видеолекции и спутниковые коммуникации.

Одним из направлений выхода из хаоса является последовательное сопротивление консервативному торможению, которое нередко определяется как «здоровый консерватизм». Признаком преодоления такого торможения стал смешанный подход к обучению, базирующийся на концепции *blended learning*. В рамках данного подхода e-learning перестает рассматриваться как исключительная прерогатива полнообъемных on-line-университетов и оценивается как явление, вполне пригодное для традиционных высших учебных заведений. Не случайно концепция Болонского процесса и «электронной Болоньи» (*eBologna*) – достижение глобального взаимного понимания и признания на основе согласованного применения инструментов e-learning – в странах Западной Европы распространяются практически одновременно.

Отдельные вузы готовы во имя последовательной реализации идеи смешанного обучения и внедрения e-learning в ткань традиционного учебного процесса на решительное преобразование не только технологии и организации обучения, но и структуры самого университета. Такие явления мы наблюдаем сегодня в эволюции и западноевропейских университетов, например Гранадского университета (Испания), университета Дуйсбург-Эссен (Германия), университета Рединг (Великобритания) и ряда российских высших учебных заведений.

Примером такого российского вуза является Московская финансово-промышленная академия (МФПА), реализующая принципы *blended learning* во всех формах обучения и накопившая весьма поучительный опыт применения e-learning при обучении как заочников, так и очников, в том числе в ходе экспериментов по внедрению многоуровневого подхода к обучению и системы зачетных единиц. В 2001 г. МФПА, будучи вузом традиционного типа, запустила первый в мире русскоязычный портал полнообъемного on-line-обучения (www.e-education.ru) по трем программам высшего профессионального образования: «Прикладная информатика», «Менеджмент организации», «Финансы и кредит». В 2003 г. академия перестроила учебный процесс с заочниками и очниками на основе мультимедийной виртуализации отдельных элементов учебного процесса и блоков учебных дисциплин в соответствии с концепцией смешанного обучения.

Другим известным примером подобных трансформаций следует признать Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, в котором автор данной статьи работал с 1989 по 2002 гг. (последние десять лет – в качестве проректора по учебной работе). Ректор МЭСИ В.П. Тихомиров является одним из самых первых в России энтузиастов e-learning и одним из наиболее активных представителей ректорского корпуса, инициативно решившихся на глубокие преобразования структуры вуза во имя раскрепощения технологических инноваций.

Второе направление преодоления хаоса – укоренение e-learning в системе российского образования. Последовательный отказ от хаотичного применения e-learning и системы определений, соответствующей реальностям эффективного e-learning, в пользу внедрения электронного обучения мог бы базироваться на следующих подходах:

- прагматичное отношение к инструментарию e-learning в свете концепции рационального выбора;
- унификация и стандартизация в сфере e-learning;

- оценка e-learning и его результатов как составной части оценки качества образовательных услуг и измерения их результатов с учетом совокупности интересов всех заинтересованных сторон, представленных на рынке образовательных услуг;

- унификация и стандартизация в сфере терминов и определений, имеющих отношение к e-learning.

На повседневных обсуждениях мы до сих пор нередко сталкиваемся с терминологическими дискуссиями на темы, скажем, дистанционного обучения, открытого образования, виртуального обучения. Утвердившиеся в России термины «дистанционное обучение», «дистанционные образовательные технологии» (ДОТ) вошли во многие нормативные документы. За рубежом понятие «distance learning», как правило, используется строго по назначению – для описания обучения на *большом* расстоянии и практически нигде не входит в состав нормативно-правовой базы образовательной деятельности.

Между тем e-learning, будучи порождением современных телекоммуникационных систем, является эффективным в условиях, когда большие расстояния оказываются преодоленными благодаря Интернету. Фактически e-learning представляет собой обучение вне каких-либо расстояний. Поэтому distance learning и e-learning нельзя признать однопорядковыми категориями. Различия в расстояниях, на которых взаимодействуют вовлеченные в e-learning преподаватели и студенты, а также студенты между собой, стираются. При рациональном подходе к использованию электронного обучения добросовестные руководители «продвинутых» вузов вместо привычного деления обучения на чисто очную и заочную формы сталкиваются с различными модификациями смешанного обучения, включающего очную фазу и широкий арсенал инструментов виртуализации обучения с помощью современных информационных и телекоммуникационных систем.

В процессе прагматичного применения инструментария e-learning учебное заведе-

ние всегда исходит из принципа целесообразности, который часто усматривается лишь в обеспечении доступности образования – как средство преодоления больших расстояний. Действительно, Россия – огромная страна, а следовательно, получить полноценное образование в отдаленных районах нередко представляется возможным только посредством on-line технологий e-learning. Обеспечение доступности качественных образовательных услуг в России все еще является огромной проблемой, которая, в свою очередь, оказывает влияние на ситуацию на рынке данных услуг. Однако, к счастью, никто сегодня уже не рассматривает степень целесообразности e-learning лишь с географической точки зрения и не считает ее наиболее точным и исчерпывающим объяснением значимости электронного обучения для страны.

Эффективность электронного обучения в вузе становится более всего понятной, если учебное заведение предлагает своим студентам не очную или заочную формы получения образования в чистом виде, а возможность их конструктивного сочетания.

Данная возможность имеет наиболее эффективную реализацию благодаря концепции смешанного обучения, следование которой помогает руководителям вузов находить оптимальные сочетания очной фазы обучения, а также on-line и off-line занятий в виртуальном кампусе для всех форм получения образования, интегрировать контент учебных дисциплин, отражающий различные образовательные области, на единых электронных носителях учебной информации (веб-сайт, CD, DVD, MP3). В этой ситуации основные инструменты e-learning не могут считаться лишь, так сказать, «довеском» к традиционному обучению – они становятся рациональным способом приобретения важных компетенций, необходимых навыков и знаний, применимых на практике.

Становится очевидным, что рациональная польза от подключения к Интернету для вуза и его студентов состоит не только и не столько в использовании его всего лишь

как способа трансляции учебных материалов на расстояние. Будучи одним из средств технологического обеспечения e-learning, Интернет наиболее эффективен не как трафик, а прежде всего как среда обучения. Прагматизм e-learning состоит, таким образом, не в прагматичной продаже электронных курсов, если даже средством платежа оказываются электронные деньги (*e-money*), а в прагматичном использовании возможностей Интернета как средства обеспечения обучающихся методик.

В «продвинутых» вузах сегодня обсуждаются и такие вопросы, как, например: может ли e-learning заменить живого преподавателя? Теоретически при любом экстернате «живые» занятия заменяются изучением различных источников. E-learning, даже если он предлагается студентам в деперсонифицированном виде, несомненно, преобразует классический экстернат в форму смешанного обучения. Однако такая деперсонификация на практике создала почву для обоснования трактовки e-learning как экстремального обучения. Понимание e-learning как «*extreme learning*» впервые, остроумно обыграв слова, привел Эллиот Мэйси, пионер американского e-learning [2]. Рационально ли деперсонифицированное, «экстремальное» обучение в электронной «упаковке»?

Наилучшее решение, разумеется, лежит в плоскости не замены, а сочетания яркого, «живого» преподавателя и высокотехнологичного инструментария обучения, которым могли бы пользоваться, активизируя учащихся, другие преподаватели – тьюторы электронного обучения. При таком сочетании происходит «системный ролевой сдвиг, и обучаемые превращаются в партнеров по e-learning» [3].

Однако порой вполне правомерен и положительный ответ. Во-первых, несомненно, инструменты e-learning могли бы стать неплохой альтернативой некомпетентным, отставшим от жизни преподавателям, привыкшим проводить занятия, ориентируясь на пожелтевшие конспекты. Ведь электронное обучение эффективно, если его содержание является актуальным, а методики

способствуют усвоению учебного материала и формированию знаний. Конкуренция контентов в открытом образовательном пространстве – в противоположность конкуренции преподавателей в закрытом пространстве вузовских аудиторий – чрезвычайно высока.

Во-вторых, в отдельных случаях длительное либо полное отсутствие контакта с «живым» преподавателем взамен обучения в виртуальной среде оказывается важным фактором формирования таких компетенций, как умение перерабатывать большие объемы информации и вычленять главное, умение применять на практике полученные знания, навыки работы в команде, желание постоянно учиться. Это наблюдается, к примеру, в процессе обучения на рабочем месте, участия студентов в симулирующих играх, проведение которых вообще не предполагает наличия «живых» преподавателей, при виртуализации производственной практики. На наличие указанных компетенций обращают внимание типовые работодатели, являющиеся одной из заинтересованных сторон на рынке образовательных услуг [4].

К вышеизложенному добавим также явление глобального рационализма – развитие и воспроизводство общества, основанного на знаниях, воспроизводство и развитие людей в обществе, основанном на знаниях. Именно у e-learning наблюдаются в сфере непрерывного образования, которое человек может получать в течение всей своей жизни. Определенно, стратегическое использование *ePortfolio*, в особенности при концепциях смешанного подхода к процессу обучения, является также наилучшим решением для сочетания профессионального образования и неформального обучения.

Конечно, по сравнению с другими инструментами, часто используемыми в повседневной жизни, инструменты e-learning все еще представляют собой нечто необычное и не кажутся чем-то необходимым. Фактически же отказ от использования мультимедийных средств, Интернета и других специфических условий обучения не способствует достижению надлежащего уровня

качества в том или ином российском вузе. Сколько еще времени потребуется ректорскому корпусу, чтобы прийти к пониманию этого и признать инновационные возможности e-learning?

В целях превращения e-learning в повседневную обыденность необходимо уделить должное внимание вопросам унификации и стандартизации в сфере e-learning. Они сегодня активно обсуждаются заинтересованными организациями, в частности созданным летом 2005 г. в Брюсселе Европейским фондом качества в e-learning (European Foundation for Quality in eLearning).

В силу того, что e-learning явилось в значительной степени порождением технологической эволюции общества, в странах Западной Европы и в США наблюдаются явления, которые можно охарактеризовать понятием «технологический детерминизм». Так, иногда под стандартами e-learning понимают стандарты обмена информацией, такие как IMS, SCORM, LOM/LRM или стандарты IEEE LTSC. В России, напротив, стандарты образования, имеющие к тому же государственный характер, охватывают содержание профессиональных образовательных программ и не затрагивают технологии, образующие основы обучающих методик, и сами методики обучения. В последние годы в качестве альтернативы ГОС стали порой рассматривать стандарты EFQM и ISO 9001. Однако, как вполне обоснованно отмечают А. Каузе и К. Штраке, данные стандарты, охватывая организационные процессы на любой типовой фирме, не содержат специфики обучения вообще и электронного обучения в частности [5]. Разрабатываемые с их участием новые стандарты на платформах ISO 9001 и PAS 1032-1, возможно, станут более конкретным воплощением потребности в стандартизации в сфере e-learning.

Ни технологический детерминизм, ни организационный детерминизм, ни мнимая чудодейственность российских госстандартов не способны позитивно повлиять на укоренение e-learning в российской системе образования. Всякая стандартизация

представляет собой установление и применение правил для упорядочения деятельности на пользу и при участии всех заинтересованных сторон. Принимая стандарты и следуя им, заинтересованные стороны рынка образовательных услуг «договариваются между собой о взаимопонимании и о следовании определенным нормам, которые признаются и принимаются для использования всеми участниками такой договоренности» [6].

Поэтому поиск унифицированной платформы e-learning следует, как мы полагаем, начать с признания e-learning зоной интересов участников рынка образовательных услуг, объектом социально-экономических отношений, обладающим собственными характеристиками в области контента, академического менеджмента, организационно-предпринимательской структуры, организационного поведения и технологий. Разрабатывать стандарты e-learning целесообразно в качестве элемента системы образовательных стандартов (вовсе не обязательно государственных), которые унифицировали бы следующие стороны деятельности учебных заведений:

- содержание образования, основанное на компетентностном подходе и реализуемое при помощи инструментов e-learning;
- технологии обучения, практически применяемые посредством e-learning (как технические, так и педагогические);
- организацию обучения и условия функционирования обучающей сети (например, стандарты на сетевые университеты, обладающие региональными учебными центрами, филиалами и представительствами, через которые реализуются инструменты e-learning);
- кадровый, производственный, организационный, инновационный менеджмент и менеджмент качества.

Вузы не могут разрабатывать собственные (вузовские) стандарты e-learning, невзирая на законные интересы других участников рынка образовательных услуг, как не могут делать этого производители компьютерной техники и программных продук-

тов или государство, концентрируя свое внимание лишь на собственных интересах. Ведь в непротиворечивой системе образовательных стандартов следует с максимальной полнотой отразить законные интересы большинства участников рынка образовательных услуг. Это относится к обучению вообще, электронному обучению в частности. И в межуниверситетском сотрудничестве, включая международные научные и партнерские связи, и во взаимодействии с бизнесом реализация потребности сторон в унификации платформы обучения, в которой главенствующее положение мог бы занять инновационный подход, ориентированный на e-learning, сторонам приходится искать согласия и стремиться к взаимной выгоде.

Очевиден тот факт, что наряду с конкуренцией на рынке образовательных услуг наблюдаются и разнообразные формы сотрудничества, которые обусловлены различными причинами. Современное электронное обучение, построенное на унифицированной платформе, интегрирующее образовательные ресурсы и инспирирующее студентов и руководство университетов к большей академической мобильности, могло бы быть существенным конкурентным преимуществом вузов России внутри РФ, на рынках образовательных услуг странства СНГ и на глобальном рынке образования, куда стремятся сегодня многие российские вузы.

Стандарты e-learning как часть системы образовательных стандартов могли бы также стать основой любых сопоставлений и сравнений различных элементов процесса обучения и отправной точкой в оценке качества обучения с использованием инструментов e-learning. Интегрированный подход к управлению качеством образовательных услуг является решением многих задач, которые стоят сегодня перед российскими вузами, заинтересованными в развитии e-learning и внедрении его инструментов. Такой подход докажет свою эффективность, если в процессе формирования его показателей и процедур будут учтены все стороны – содержательные, техноло-

гические, организационные, управленческие – обучения с помощью инструментов e-learning.

Оценка e-learning и его результатов как составной части оценки качества образовательных услуг и измерения их результатов сообразно совокупности интересов всех сторон, представленных на рынке образовательных услуг, в итоге представляла бы собой упорядоченную систему, основанную на глубоком укоренении строгих стандартов качества, процедур гарантии качества и улучшения качества обучения. Перспективы e-learning в России напрямую зависят от уровня строгости и жесткости требований, которые вузы, внедряющие электронное обучение, готовы предъявить самим себе. Совокупность этих оценок послужила бы основой общественного доверия к e-learning и стала бы фактором преодоления презрительного отношения к нему со стороны многих заинтересованных участников рынка образовательных услуг – «традиционных» вузов, учащихся, органов управления образованием и особенно работодателей.

Надо заметить, что распространение e-learning и укоренение его в системе российского образования в значительной мере зависит от позиции сообщества работодателей как целостного нанимателя и как совокупного потребителя образовательных услуг. Внимательное отношение работодателей к степени компетентности выпускников и к фактическому составу приобретаемых профессиональных компетенций, равно как и к необходимости постоянного повышения персоналом квалификации – желательна на своих рабочих местах, без отрыва от профессиональной деятельности, – уже сегодня создает основу для превращения образовательных учреждений и работодателей в надежных партнеров в электронном обучении. Скорость и интенсивность обучения с помощью e-learning, несомненно, придется к стати в процессе внутрифирменного развития человеческих ресурсов в условиях конкурентного соперничества работодателей. И такое партнерство, предполагающее взаимную ответ-

ственность сторон, окажется важным обстоятельством при формировании механизма гарантий качества в e-learning.

В России, как и во всем мире, общественная оценка качества обучения, институционально приобретающая, как правило, характер аккредитации, возникает из необходимости защитить законные интересы различных участников рынка образовательных услуг, а также общественные интересы [7]. Оценка качества обучения посредством e-learning, а также степени добросовестности действий учебных заведений, использующих e-learning, непременно должна содержать прозрачные и справедливые принципы публичной аккредитации, внутренней и внешней оценки качества образовательных услуг.

Необходимо поэтому учитывать феномен e-learning в процессе сопоставления достижений различных образовательных учреждений. Как справедливо отмечает Е.Н. Геворкян, «особую значимость проблеме обеспечения качества e-learning придает тот факт, что эта подотрасль системы образования представляет собой эффективный высокотехнологичный инструмент развития человеческого и научного капитала в национальной экономике, формирования институциональных элементов новой экономики, основанной на знаниях» [8].

Понятно, что меры по обеспечению гарантии качества обучения, которые не вытекают из унифицированных представлений об e-learning и не содержат оценок деятельности вуза и перспектив его развития под влиянием e-learning, не смогут предоставить российскому обществу необходимых заверений в том, что обучение с применением или на основе e-learning действительно опирается на добросовестные намерения учебного заведения. Чтобы усилия

таких вузов не оказались напрасными, инновационный ресурс электронного обучения следует выделить в один из ключевых параметров оценки условий реализации образовательных программ. Есть очевидные преимущества и в формировании унифицированных моделей оценки качества обучения и гарантий качества обучения с помощью e-learning, которые нашли бы широкое применение в международном масштабе, например на пространстве СНГ.

Литература

1. См.: Глобализация и конвергенция образования: технологический аспект / Под ред. Ю.Б. Рубина. – М., 2004.
2. Masie E. TeachLearn TRENDS: e-Learning, Training and e-Collaboration Updates // Newsletter Nr. 197 (26.02.2001).
3. Fetterman D., Wandersman A. Empowerment Evaluation, Principles in Practice. – N.Y., London, 2005.
4. Вузы и работодатели о выпускниках и форме высшей школы. Доклад Аналитического центра «Эксперт» (Рук. проекта А. Шмаров). – М., 2005.
5. Kause L., Strake Ch. Quality Standards in E-Learning: Benefits and Implementations in Practice // ONLINE EDUCA BERLIN 2005. 11-th International Conference on Technology Supported Learning & Training. Book of Abstracts. – Berlin, 2005.
6. Рубин Ю., Емельянов А. Стандартизация как фактор конкурентоспособности высшего образования // Высшее образование в России. – 2005. – № 11. – С. 29.
7. Eaton J.S. Distance Learning: Academic and Political Challenges for Higher Education. – CHEA. – Washington D.C., 2001.
8. Геворкян Е.Н. E-Learning в экономике, основанной на знаниях // Высшее образование в России. – 2006. – № 1.

